

АЛЕКСАНДР КОРОЛЬКОВ

Леонид КОСТЮК:

Цирковая профессия настоящая во всем

Бывший эквилибрист возглавил Государственную цирковую компанию

Известия. - 2000. - 17 июля - с. 6

Года полтора назад на меня собирались подавать в суд — я написал о том, какие дела творятся в Государственной цирковой компании, и ее руководство объявило газете «Известия» джихад и газават. В суд так никто и не подал, в цирке так ничего и не изменилось: акт Счетной палаты, где говорилось о значительных злоупотреблениях, лег под сукно, и все продолжалось по-старому.

— Леонид Леонидович, так были в Росгосцирке злоупотребления, или же мы, журналисты, обидели честных людей?

— Я видел акт Счетной палаты, и меня искренне восхищают такт и деловая сноровка прежнего руководства: как же им удавалось все это гасить? Поэтому я начал с того, что создал ревизионную службу (прежде ее заменил один-единственный юный ревизор) и организовал проверку деятельности компании и отдельных цирков. Теперь с полной уверенностью могу сказать, что нарушения были — бесконтрольность и необоснованные траты. Да что там! Сегодня у нас на валютном счету только 164 тысячи долларов, а постановочное оборудование для цирков и цирковых аттрак-

ционов зачастую можно купить только на валюту.

— Цирк же все время зарабатывает деньги.

— Их тратили лучше, чем зарабатывали. Давали беспрецентные кредиты на покупку квартир: одним потому, что они люди активные и могут стать опасными врагами, а другим из-за того, что они поддерживали прежнее руководство. Из этих же соображений отпускались сотни тысяч долларов на новые номера, а там даже сценариев не было... Покупали подержанные автомобили, большую часть из которых нельзя использовать. Покупали партии сухих супов, которые оказались просроченными, и их потом списали и выбросили. (А может, и не выбросили — как это теперь узнать?) Пока ревизия не

закончена, я никого не хочу обвинять, но в том, что здесь не все чисто, я уверен.

— Театральный артист едва ли сможет стать директором театра, затем возглавить театральную компанию-монополиста, работать с документами, проводить ревизии. Вы в цирке с 17 лет...

— Я в нем с рождения. А директором я становиться не собирался. Помогло образование: многие становятся артистами цирка через ученичество, не имея диплома, а я довольно успешно отучился в десятилетке, закончил цирковое училище, потом ГИТИС, позже стал в нем преподавать... Сегодня я профессор РАТИ. А директором стал почти случайно: был видным артистом, получил «зол-

то» в Монте-Карло, был активным общественником, часто выступал в Москве. Директор цирка уходил на пенсию, а я, как артист с высшим образованием, был в кадровом резерве — вот мне и предложили занять его место. У меня тогда были два перелома позвоночника, врачи говорили, с ареной пора уходить.

— Как же вы на нее пришли?

— Я родился, когда мои папа и мама, артисты цирка, ехали с Дальнего Востока на гастроли в Ленинград. Роды врачи принимали прямо в поезде, это было пятого июня 1941 года. Мама меня родила, и родители поехали дальше, в Ленинград, там они и зарегистрировали мое рождение, и я стал коренным петербуржцем. И судьба у меня вышла такой же,

как и появление на свет, — всю свою жизнь я провел на колесах. Школы менял по семь-восемь раз в году, но учился при этом неплохо. Родители тоже были эквилибристами. Папа на голове стоял и на одной руке, жонглировал, еще много чего делал: номер у него был хороший. Я ездил вместе с ними, всему учился: в цирковое училище поступил на первый курс, а через полгода сдал все экзамены, и перешел на третий. За год я подготовил два номера и поехал на практику, а на следующий год уже получил диплом.

— Есть ли антагонизм между артистами и директорами цирков?

— У нас, на Вернадского, этого, как мне кажется, нет. А в принципе дело возможное. Раньше, когда все работали на общее дело, директора были друзьями артистов. Сейчас директора нередко делают на цирке деньги — они используют недвижимость, а артисты в этом участия не принимают. С другой стороны, директора жалуются, что артисты по сравнению с их сотрудниками много получают, — у народного артиста выходит и по 600 рублей за

спектакль. Но артисты бывают в простое по 3—4 месяца. В итоге они зарабатывают гораздо меньше, чем господин директор и даже чем музыканты в его цирке.

— Да и между артистами

разница велика.

Есть цирковая элита, которая на зарубежных гастролях получает отличные деньги, есть те, кто мотается в цирковом конвайере между го-

родами страны и часто не имеет даже прописки...

— Квартиры нет и у многих ведущих артистов — уж такие у нас печальные традиции. Вы говорите: элита, конвайер... Но ведь зарубежные импресарио сами выбирают конкурентоспособные номера. А у нас есть много номеров качеством ниже среднего. Но артисты, которые в них работают, естественно, считают свои номера лучшими. И вот им уже никто не поможет: ни я, ни импресарио, ни сам Господь Бог.

— Реальная опасность, с которой сталкиваются артисты цирка?

— Она абсолютно реальная. Я был нижним в номере и держал пирамиду — это, как я уже говорил, кончилось двумя перелома-

ми позвоночника. Акробаты тоже подвергают себя опасности — попробуй попади на этот узенький мат! Не спасает и страховочная сетка: человек не успевает сгруппироваться, ломает позвоночник и погибает. На моих глазах так погиб замечательный артист Рудольф Уваров... Я уж не говорю про работу с хищниками. Медведь добродушен на вид, а на самом деле крайне опасен: он нападает без предупреждения, и когти у него как кинжалы. Не лучше и лев: как-то в Харькове ему не понравился запах дрессировщицы, и он прыгнул на нее, зацепил лапой... И все. И канатоходцы рисуют: бывали случаи, когда лопался крюк, за который крепится канат. Так что цирковая профессия настоящая во всем. Она честная, обмана здесь нет.

— Цирк оккупаем?

— Сегодня нет. Хотя в Цирке на проспекте Вернадского по сравнению с собственными доходами всего тринадцать процентов дотации. Возможно, Большой московский цирк выживет и без дотации, но тогда он станет не учреждением культуры, а чисто коммерческой организацией. Тогда нас задушат

Алексей ФИЛИППОВ